

Е С Е Н И Н

МОСКВА
КАБАЦКАЯ

ЕСЕНИН

МОСКВА
КАБАЦКАЯ

ЛЕНИНГРАД
1924

№ 500 1888

Александровский Губерн. № 500

Тел. Губернатору и др. по в. Вульфов. Александр, ул. Рязанская, 18

СТИХИ—
КАК ВСТУПЛЕНИЕ
К МОСКВЕ КАБАЦКОЙ

1. Все живое особым жетом...
2. Сторонам ты моя сторона.
3. Войны гибель.
4. Не ругайтесь.

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То наверно был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто-часто с разбитым носом
Приходила я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я педла сквозь кровавый рот:
— Ничего! Я споткнулся о камень...
Это к завтраму все заживет.

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипячковая вязь,
Беспокойная дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаля
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новою мой брызжет шаг.
Если раньше мне бил в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего! Я споткнулся о камень...
Это к завтраму все заживет.

Сторона ль твѣ моя, сторона,
Дождевое осеннее слово!
В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидѣть хуже.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так много теплей и безболней.
Посмотри: межъ скелетовъ домов,
Словно мельник, несет колокольникъ
Медные мешки колоколовъ.

Если гварден твѣ — будешь сыномъ,
Коли несчастен — то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.

Как подумаю я так и сделаю,
Но увы! все одно и то ж.
Видно слишком привыкло тело
Ощущать эту службу и дрожь.

Ну, да что же! Вездь много прочих,
Не один я в миру живой.
А фонарь то мигнет, то захолочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
— Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывают одна лишь смерть.

ВОЛЧЬЯ ГИБЕЛЬ.

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты как ветер зашумел и присел.
Вот сдвинули за шую деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную гибель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город! Ты в схватке жестокой
Окрестил нас, как падашь и ярашь.
Сгинет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами дысь.

Жилец мускула у дьявольской пши
И легка ей чугунная гашь.
Ну, да что же! Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадашь.

Пусть для сердца пугуче-кошко,
Это песня звериных прав.
Так охотники травят волка,
Зажима в писки облам.

Зверь привал... и из псамурных недр
Кто-то спустит сейчас курок...
Будет прыжок... и дружного недруга
Раздирают на части лапы.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром доешься кожу.
Как и ты, я отовсюду гонимый
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть саблю победный рожек,
Но опробую вражеской крови
Мой последний смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песнь опмщения за гибель
Пропоем мне на том берегу.

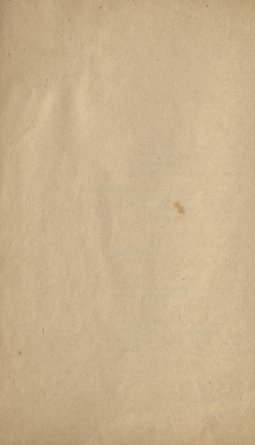
Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокнялся и опяделся
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Опущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого, что в полях заблудыге
Ветер больше поет чем козу.

Пропояю я редькой и луком
И, превожа вечернюю гадаль,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь заблаться и саушать пургу,
Оттого, что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

МОСКВА КАБАЦКАЯ

1. Я обманывать себя не стану.
2. Да! теперь решено!
3. Снова пьют здесь.
4. Пой же, пой.
5. Эта улица мне знакома.
6. Мне осталось одно забыть.

Я обманывать себя не стану,
Знаю, что забота в сердце мглыном.
Отчего прослава я шарлатаном?
Отчего прослава я скандалистом?

Не злодей я, и не грабитель лесом,
Не распространяю несчастных по шеминцам.
Я всего лишь уличная повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский, озорной гуляка.
По всему тверскому околадку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин.
В таупой страсти сердце жить не в силах.
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Замото овса довать кобылам.

Средь людей я дружба не имею.
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобеля на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болей не стану.
Просиделось омутъ в сердце мгновеньем.
Ошлого прослава я шарашником,
Ошного прослава я скандалистом.

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинуа родные помѣ.
Уж не буду ль листвою крѣпкой
Надъ мною звенѣть тополя.

Низкий домъ безъ меня съступившися,
Старый пѣс мой давно издохъ.
На московскихъ изогнутыхъ улицахъ
Уверѣть знатъ судна мне богъ.

Я люблю этотъ городъ вѣзевый,
Пусть обрюзгъ онъ и пусть одряхъ.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполахъ.

А когда ночью свѣтитъ лунѣ,
Когда свѣтитъ... чортъ знаетъ какъ!
Я иду, головою свесясь,
Переулкомъ въ знакомый кабѣкъ.

Шумъ и гамъ въ этомъ логовѣ жутокъ,
Но всю ночь, напролѣтъ, до зари,
Я читаю стихи простѣпникамъ
И съ бандитами жарю спиртъ.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невольно:
— Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Низкий дом без меня сокрушится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть звать судил мне Бог.

Снова пьют здесь, дерутся и плачут,
Под гармоники желтую грусть
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустив голову,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всея навек упрямю.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чахнет мертвячиной
Над пропавшею этой гульбой?

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах,
Жалко им, тех дурашаньих, юнбх,
Что сгубили свою жизнь сгорая.

Где ж ты же, что ушел далеко?
Ярко ль светят вам ваши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечил,
Что в киргизских степях получил.

Нет, таких не подмять, не рассеять —
Бесшабашность ил гнилью дно.
Ты Рас... сая моя... Рас... сая,
Азиатская... сторона...

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая соломка
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнила я деревенское детство,
Вспомнила я деревенскую сибирь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с шипучкой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо Август прилет ко пашенку.
Держат листья в зеленых ладнях
Птичий гомон и щебетню.

Я люблю этот дом деревянный,
В бревнах теплалась грозная морщ,
Наша печь как-то дико и спирально
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень значный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел вербауд кирпичный
В завывании дождевом?

Видно видел он двабине спраны,
Сон другой и цветущей поры.
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти спраны знаю.
Сам не малый прошел там пунь.
Только ближе к родному краю
Мне б хотелось северь повернуть.

Но угасла ты нежная дрема,
Все исплело в дыму голубом.
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом!

ЛЮБОВЬ ХУЛИГАНА

Августе Миклашевской

1. Замечается пожар голубой.
2. Ты такая ж простая как все.
3. Пускай ты влюбита другим.
4. Дорогая, садись рядом.
5. Мне грустно на тебя смотреть.
6. Ты прохладой меня не мучай.
7. Вечер черные брови нарисуй.

Замечался пожар голубой,
Позабывался родня мне даван.
В первый раз я зашел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандально.

Был я весь как злупченный сад,
Был на женщин и зелье падкий.
Разорывалось вино и плясал
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз заштопанный омут,
И, чтоб прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стон,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хуляган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыла кабачки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих, цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой,
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я зашел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандально.

Ты такая ж простая как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влюб,
Я по-глупому мыслям завял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в ризницах.

Я на эти иконы плевал,
Чтила я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и крошечных песен.

Не хочу я детства в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твоё звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жаждок, ни миа,
И умею расставаться со пылом:
С детства привыкшая я понимала
Кобылам до степным кобылам.

Потому и себя не сберет
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу осен,
Словно в листьях, в глазах кошме...
Ты такая ж простая как все,
Как сто тысяч других в России.

Пустьай ты винита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклынный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не агу,
И потому на голос чванства
Беспрерывно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною ссорагой.
Уж сердце наполнилось влой
Кровь опривающей брагой.

И мне в окошко постучала
Сентябрь, багряной веткой ты,
Чтоб я готов был и встречаа
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь,
Без принужденья, без упрямья.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг.
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна сестра и друг
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Дорогая, сиди рядом.
Погляди в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную речь.

Это золото осеннее,
Это прядь волос белесых,
Все жилось как спасенье
Беспокойного повеса.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чаша.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить прощанья.

Я хотел, чтоб сердце глуше,
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я росла себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки липами забросил,
Идут шех, которых помню.

Их давно уж нет во свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами мещет,
Что и мы придем к ним в гости.

Что и мы, отжив прелеги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом.
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под крепким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знаешь только новая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесам
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного овертвелою.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего
Как только желтый таен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной развал.
Так было и так будет после.
Как кладбище усыян сад
В берез изголодавшиеся кусты.

Вот так же опцветем и мы
И опшумим как гости сада...
Когда нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет.
Одержимый тяжелой падушей
Я душой стал как желтый скелет.

Было время, когда из предместья,
Я мечтала по-мальчишески в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с изанишком,
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь остался один манжик
С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже,
От Москвы по Парижскую равнь
Мое имя наводит ужас
Как заборная, громкая брань.

И любовь не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жест.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не беда!
Золотой твоей кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность,
Чтоб под шум молодой лебеда,
Утонуть навсегда в неизвестность
И мечтать по-мальчишески — в дым.

Но мечтаю о другом, о новом,
Непонятном земле и праву,
Что не выразишь сердцу словом
И не знает названья человек.

Вечер черниве брови наслоня,
Чьи-то кони споят у двора.
Не вчера ли я молодость пропня?
Разлюбля ли тебя не вчера?

Не храни, запоздавая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Увокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушая песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня губа.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла бывшая
Наша жизнь, что былой не было...
Голова ль твоя моя удавалась,
До чего ж твоя меня довела?

СТИХОТВОРЕНИЕ

КАК ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Не жалею, не зову, не плачу.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увидишь золотом окваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, пронужденное холодком.
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя упрямая свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скучнее стал в желаниях,
Жизнь моя, как ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире пленны,
Тихо дается с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.

А.О.П.1-143

МУЗ. ТЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА
ГЧК-232

